

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА ЗАДЕРЖАНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ

Аннотация. Автором исследуется вопрос становления правового института задержания подозреваемого в уголовно-процессуальном законодательстве России. Автор статьи считает, что: 1. Развитие правового института на разных этапах отечественной истории определялось уровнем и качеством правового регулирования статуса задержанного лица по подозрению в совершении преступления, а также обеспечением его прав; 2. Условно в становлении правового института задержания можно выделить семь основных этапов, однако эволюция этого института права на сегодняшний день еще не завершена и говорить о рассматриваемом институте как об окончательно сформировавшемся преждевременно, поскольку отдельные его составляющие по-прежнему нуждаются в дальнейшем совершенствовании.

Ключевые слова: юриспруденция, задержание, подозреваемый, правовой институт, Русская правда, Судебник, Соборное Уложение, реформа, этап становления, периодизация.

Правовая регламентация задержания подозреваемого в уголовно-процессуальном законодательстве России не всегда существовала в той форме, которую мы знаем в настоящее время. Примечательно, что в различные периоды своего развития задержание имело совершенно иной, отличающийся от современного, смысл и содержание. Вместе с тем различное толкование и понимание правоприменителями самого понятия «задержание» способствовало неоднозначности взглядов на его историю и отсутствию единства мнений о моменте возникновения самого института задержания в российском праве.

Так, например, В.М. Тогулев начало законодательной регламентации института задержания подозреваемого рассматривает «Наказ императрицы Екатерины II от 30 июля 1767 г.», в котором были указаны основания, достаточные для задержания и помещения человека в тюрьму¹. А.К. Аверченко, Ф.А. Богацкий².

Ю.Б. Чупилкин утверждает, что институт подозреваемого возник именно с момента первого упоминания терминов «подозрение», «подозрительная особа», «лицо, находящееся под подозрением» в «Кратком изображении судебных процессов и тяжб» 1715 г.³ Аналогичного мнения придерживается В.Ю. Мельников⁴. П.А. Смирнов считает, что проблема содержания лица под стражей без выдвижения против него какой-либо официальной претензии, т.е. фактически находящегося под подозрением, впервые обозначена в 1775 г. в «Учреждениях для управления губерний»⁵.

На самом деле, первое упоминание о задержании лица встречается в некоторых источниках древнерусского права. Так, например «Рус-

дозреваемого при производстве предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2006. С. 15.

³ См.: Чупилкин Ю.Б. Гарантии прав подозреваемого в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д, 2001. С. 14–18.

⁴ См.: Мельников В.Ю. Гарантии прав и законных интересов граждан в уголовном процессе: монография / Рост. гос. ун-т путей сообщения. Ростов-н/Д, 2010. С. 166.

⁵ См.: Смирнов П.А. Подозреваемый в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 219.

¹ См.: Тогулев В.М. Задержание в системе мер процессуального принуждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991. С. 9.

² См.: Аверченко А.К. Подозреваемый и реализация его прав в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2001. С. 16; Богацкий Ф.А. Обеспечение прав по-

ская правда» (XII–XIII вв.) содержит несколько статей, посвященных задержанию. Статья 38 Краткой редакции «Русской Правды» (относится разными исследователями ко времени от середины XI в. до 30-х годов XII в.) и ст. 40 Пространной редакции «Русской Правды» (первая четверть XII в.) предусматривают «задержание застигнутого на месте преступления вора с удержанием его там же до света и последующим сведением на княжий двор»⁶.

«Псковская судная грамота», датированная 1462 г. (со ссылкой, что дата ее «списания» 1397 г.), доставление лица в суд называет «ездом», который поручается приставам из числа княжеских ли слуг, или же псковичей. Предоставленные полномочия давали им право «сковать» или «расковать» ответчика (ст. 64)⁷.

Истец (потерпевший), как правило, после подачи челобитной (иска) князю, посаднику или дружиннику выступал и в качестве инициатора и исполнителя задержания (ст. 34, 35 «Псковской судной грамоты», ст. 114 «Русской правды»)⁸.

Анализ данных источников позволяет сделать вывод о том, что «Русская правда» и «Псковская судная грамота» впервые упоминают о задержании лица как о действии, сущность которого состояла во взятии под стражу лица, попавшего под подозрение, с целью выяснения обстоятельств преступления. В силу того, что судопроизводство указанного периода не имело разграничения на уголовное и гражданское, а процесс носил состязательный характер, проходящий в устной форме, т.е. проходил при активном участии сторон в форме своеобразного спора (обе стороны назывались истцами, чаще всего они пользовались почти одинаковыми судебными правами), огромным недостатком законодательства, на наш взгляд, являлся тот факт, что задержание лица документально никак не закреплялось⁹. Вместе с тем, тогда же получили закрепление физический захват лица и его доставление лица.

Следующее упоминание о задержании лица по подозрению в совершении преступления мы находим в Судебнике 1497 г., который предусматривал уже два вида процесса: состязательный (суд) и инквизиционный (розыск). Теперь в ведомство государственных органов переходит инициатива при производстве тех

или иных действий, направленных на привлечение виновного лица к ответственности. Законодатель для этого вводит должность недельщика, наделенного специальными правами и обязанностями по розыску лица, его доставлению, а также допросу¹⁰. Недельщик также имел право арестовать ответчика, действуя при этом добросовестно, не потакая никому. За розыск недельщику полагалось денежное вознаграждение, которое взималось со стороны, подавшей иск¹¹.

Последующий Судебник 1550 г. окончательно закрепил переход к розыскной форме процесса, сделав основным видом доказательств собственное признание вины. Статьи 53, 54 и 55 устанавливали обязанности недельщика по поимке «татей или разбойников» и предусматривали наказания недельщику за недобросовестное выполнение требований закона¹².

С принятием Судебника 1589 г., судопроизводство было поделено на две стадии: следствие и вершение (вынесение приговора). На недельщика теперь возлагалась досудебная подготовка, одной из составных частей которой было доставление ответчика — хождение («езд») за ним¹³.

Анализ Судебников указывает, что постепенно происходило становление института задержания лица по подозрению в совершении

¹⁰ Недельщик — так назывался в допетровской Руси судебный пристав, исполнявший свои обязанности по неделям («быть в неделях»). Состояли Н. при дьяках, которые вносили их имена в особые книги, при вступлении в должность. Обязанности их заключались в оповещении сторон о вызове в суд и доставлении их к суду, а также в поимке татей и разбойников. Все это делалось самим Н. только в пределах города; для вызова в суд уездных людей каждый Н. содержал при себе по семи ездовых, которые также были записаны в книги у дьяков, ездили от его имени и действовали под его ответственностью. Судебник царский запрещал как Н., так и ездокам вызывать в суд в том городе или месте, где они живут (по объяснению Татищева — во избежание лицемерия). Н. и ездокам полагалось вознаграждение: хоженое и езд — с вызываемых лиц. Размер хоженого был от 10 денег до полтины, а размер езды определялся по расстоянию. За всякое нарушение закона, за взятие лишнего хоженого или езды, за требование посулов, за отпуск татей Н. подвергались личной ответственности, торговой казни, тюремному заключению и лишению звания, смотря по вине. При вступлении в должность Н. представляли поручные записи, называвшиеся «заговором», и поручителей («заговорщиков»), которые также вносились дьяками в книги. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона). Спб.: 1897. Т. ХХА.

¹¹ См.: Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России: история, документы. М.: Мысль, 2003. Т. 1. С. 22, 149, 162.

¹² См.: Там же. С. 183.

¹³ См.: Там же. С. 22, 149–150.

⁶ См.: Российское законодательство X–XX вв. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1991. Т. 1. С. 49, 67.

⁷ См.: Там же. С. 336, 338.

⁸ См.: Там же. С. 337, 338.

⁹ См.: Ретюнских И.А. Процессуальные проблемы задержания лица по подозрению в совершении преступления: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С. 13–15.

преступления. С принятием данных источников права, главным, по нашему мнению, становится тот факт, что инициатива при производстве розыска и задержания лица теперь переходит в подведомственность государственных органов. Вместе с тем, данные источники права не формулируют основной понятийный аппарат и правовой статус задержанного, а само задержание подозреваемого выступает лишь как способ лишения лица свободы с целью обеспечения его участия в розыске.

В Соборном Уложении 1649 г. впервые предпринята попытка систематизировать нормы, регламентирующие задержание. При этом выделяли четыре основных его вида¹⁴: 1) задержание лица на месте совершения преступления, т.е. «физический захват» лица во время совершения преступления (ст. 270–271 гл. 10 Соборного Уложения). Его осуществляли как частные, так и должностные лица. В обязанность пристава вменялась поимка воров и разбойников. Обнаружение преступления и доставление им заподозренного с поличным служило поводом к «судебному разбирательству». Задержанных лиц держали у пристава, который был обязан обеспечить их охрану. Впервые был установлен также срок задержания. В соответствии со ст. 30 гл. 21 и ст. 270 гл. 10 Соборного Уложения, по делам о кражах, он совпадает со сроком, отведенным для принятия решения о возбуждении уголовного дела истцом. 2) Задержание подозреваемого в ходе производства по «судебному делу» при наличии к тому повода. Такое задержание имело место, например, в ходе повального обыска при обнаружении в доме или во дворе подозреваемого похищенной вещи. Подозреваемого предписывалось «вкинути в тюрьму», пока «не сыщется допряма», или «до указа», или «пока по нем порука будет»¹⁵. Неопределенность формулировок: пока «не сыщется допряма», или «до указа», или «пока по нем порука будет» — приводит к выводу о том, что конкретных сроков задержания подозреваемого в данном случае не устанавливалось. Кроме того, в исследуемом нами источнике права четко указываются цели задержания: изоляция лица и обеспечение возможности должностным лицам совершить определенные действия, например, пытку подозреваемого; задержание лица с целью предотвращения какого-либо влияния со стороны подозреваемого на ход проведения

следственных действий, в частности, предупреждения фальсификации их результатов. 3) задержание подозреваемых лиц по делам, рассматриваемых «судом»¹⁶, до подставления ими поручителей. Статьи 137–143 гл. 10 Соборного Уложения предоставляют судье право задерживать ответчика до тех пор, пока он не выставит за себя поручителей. 4) Задержание подозреваемого по государственным делам или политическим преступлениям. Государство обязывало всех должностных лиц и поданных задерживать всех подозреваемых в совершении государственного преступления. Особенность производства по этим преступлениям заключалась в том, что изветчика, то есть лица, принесшего челобитную, также задерживали с целью обеспечения его дальнейшего участия в сыске.

На основании изложенного, можно сделать вывод о том, что «Уложение» 1649 г. в целом по-прежнему не разграничивало процедуры задержания лица и избрание меры пресечения — заключение под стражу. Само лицо, подозреваемое в совершении преступления, продолжает именоваться по-разному: «вор», «тать», «злодей», «разбойник», а задержание по своей форме продолжает выступать как способ лишения лица свободы с целью обеспечения его участия в розыске. Вместе с тем, введенная Уложением систематизация, регламентирующая в том числе и порядок задержания лица, является своеобразным прорывом в развитии института задержания в целом. После выделения отдельных его видов и особого порядка производства по ним задержание теперь выступает в двух основных ипостасях: как способ лишения лица свободы с целью обеспечения его участия в розыске и как метод предупреждения совершения преступлений лицами, в отношении которых имелись сомнения в их добропорядочности¹⁷.

Следующим значимым в становлении института задержания подозреваемого стали «Новоуказные статьи о татейных, разбойных и убийственных делах», изданные в 1669 г. Согласно этим статьям, обязанности по поимке татей и разбойников были разделены между губными старостами и сыщиками. Губные старосты посылались за облихованными¹⁸ на

¹⁶ Имеется в виду не орган уголовного судопроизводства, а форма процесса.

¹⁷ См.: Ретюнских И.А. Указ. соч. С. 16–18.

¹⁸ Облихование – в Русском государстве XVI–XVII вв. особая форма судебного процесса, впервые предусмотренная Судебником 1550 г.: когда подозреваемого обвиняли в том, что он «ведомо лихой человек», этого было достаточно для применения к нему пытки. Если после этого он сознавался в преступлениях, его предавали смертной казни. К «лихим», т.е. самым опасным делам, относились

¹⁴ См.: Ретюнских И.А. Процессуальные проблемы задержания лица по подозрению в совершении преступления: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С. 16–18.

¹⁵ Чельцов-Бебутов М.А. Курс советского уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. Т. I. М.: Госюриздат, 1957. С. 680.

«повальном обыске». Сыщики же высылались «для великих дел и на станových разбойников». Новелла состояла в том, что ст. 14 предписывала всем жителям городов задерживать и сдавать властям воров и грабителей под угрозой штрафа. По существу данная норма официально возлагала на обычных граждан обязанность по задержанию преступников.

14 июня 1711 г. высшим судебным органом, Сенатом, был издан указ «О вешании воров и разбойников в тех местах, где будут пойманы», который предусматривал казнь преступников путем повешения там, где они были пойманы, воровали и станы держали. Таким образом, законодательство закрепило вынесение наказания задержанным за определенные виды преступлений без проведения полноценного расследования. Нововведением стал тот факт, что оказание помощи в розыске и задержании преступников теперь возлагалось на военнослужащих, о чем говорилось в сенатском указе «О вменении полковым командирам в обязанность, чтобы они по извещению губернского начальства отряжали воинские команды для сыска воров и разбойников» от 12 августа 1712 г.¹⁹

В 1715 г. было принято «Краткое изображение судебных процессов и тяжб», которое впервые употребило термины «подозрение», «подозрительная особа», «лицо, находящееся под подозрением» и указало ряд оснований для возникновения подозрения: попытка скрыться от суда, если лицо видели вместе с другими «злодеями», угрозы пострадавшему от преступления, противоречивые показания суду, рассказ кому-либо о совершенном преступлении, наличие очевидца преступления²⁰. По существу это стало началом формирования оснований задержания подозреваемого.

В 1718 г. Петр I учреждает полицию, которая вправе была применять личное задержание как полицейскую меру безопасности независимо от совершения задержанным какого-либо преступления или проступка. Так, в 1737 г. полицейским офицерам было поручено ловить и задерживать подозрительных людей, не имевших официального заработка или состояния и часто посещающих питейные заведения²¹. При выявлении преступления или проступка полиция пользовалась правом на задержание, которое рассматривалось как способ воспрепятствования уклонению подозреваемого от следствия и суда. Однако, деятельность полиции по производству розыска была

ограничена. Так, в 1730 г. вышло специальное указание о том, что воров и разбойников, которые будут пойманы в Москве и приведены в полицмейстерскую канцелярию, записав их данные, сразу же отсылать в сысканой приказ, не производя розыска.

Анализ указанных выше норм права позволяет сделать вывод о том, что в обязанность полиции было вменено производство задержания подозреваемого и его допрос, а ведение самого уголовного дела перепоручалось тому судебному месту, которому дело подсудственно. Вместе с тем, кроме полиции правом проводить задержание подозреваемых наделялись также и частные лица. Так, арт. 206 Воинского Артикула гласил: «Каждый должен злодея задержать и воспрепятствовать, чтоб не ушел, пока оный надлежащему караулу отдан не будет»²².

Интересным, по мнению автора, остается тот факт, что при таком большом объеме делегированных государственным органам и частным лицам полномочий по применению личного задержания, законодатель не разграничивал «полицейский арест», «предварительный» и «следственный», т.е. не проводил четкой границы между административным, уголовно-процессуальным задержанием и арестом как мерой пресечения. Личное задержание по-прежнему отождествлялось с арестом, а сам термин «арест» продолжал использоваться наряду с термином «задержание». Вместе с тем, в содержании рассмотренных правовых актов получают свое развитие такие понятия, как «физический захват», «доставление лица». Регламентируются общий порядок содержания под стражей, а также порядок и условия освобождения задержанного.

В период правления Екатерины II издаются «Наказ» от 30 июля 1767 г. и «Устав благочиния» 1782 г., в которых впервые формулируются основания, достаточные для задержания: показания свидетелей; собственное признание, сделанное подозреваемым; показания общника, угрозы и вражда между подозреваемым и потерпевшим.

Предложены «революционные» по тем временам мысли о необходимости разделения мер пресечения и мер уголовного наказания, содержания обвиняемых до суда сколь возможно мягче и короче²³.

Данные различия пояснены в «Наказе» следующим образом: «...Полиция берет под стражу вора или преступника; она делает ему допрос, однако произведение дела его переда-

разбой, грабеж, поджог, убийство, особые виды татбы. А. Сухарев. Большой юридический словарь. М., 2005.

¹⁹ См.: Ретюнских И.А. Указ. соч. С. 27.

²⁰ См.: Чупилкин Ю.Б. Указ. соч. С. 9.

²¹ См.: Ретюнских И.А. Указ. соч. С. 18-19.

²² Российское законодательство X-XX вв. М., 1984. Т. IV. С. 365.

²³ См.: Там же С. 29.

ет тому судебному месту, к которому его дело принадлежит». В этом источнике указывается разница между содержанием под стражей и заключением в тюрьму. Содержание под стражей необходимо для пресечения побега обвиняемого или для обнаружения доказательств преступления. Тюремное заключение — это решение судьи, которое служит наказанием. Далее отмечается: «Не должно сажать в одно место: — вероятно обвиняемого во преступлении, — обвиненного в оном и — осужденного. Обвиняемый держится только под стражей, а другие два в тюрьме...»²⁴.

Из этого следует, что производство личного задержания в указанный период полностью находилось в компетенции полиции, а тюремное заключение относилось к ведению судебных органов. Арест теперь занимает промежуточное звено между личным задержанием и тюремным заключением.

7 ноября 1775 г. центральный документ губернской реформы Екатерины II «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» впервые освещает проблему содержания под стражей лица без выдвижения против него какой-либо официальной претензии (обвинения), т.е. фактически находящегося под подозрением. Кроме того, рассматриваемый источник права, разрешает создание Совестьного суда, целью которого в том числе являлось рассмотрение жалоб на незаконное заключение под стражу. Так, лицо, содержащееся более трех дней в тюрьме без объявления причины этого или без допроса (за исключением обвинявшегося в оскорблении царской особы, измене, воровстве и разбое), могло подать жалобу на незаконный арест в Совестьный суд, который обязан был не позднее суток ее рассмотреть и принять решение о правильности ареста либо освобождении на поруки²⁵. В сущности, указанной нормой задержанный (арестованный) впервые за весь период развития законодательства, регулирующего порядок задержания лица, получает право на обжалование решения о его изоляции.

«Устав благочиния» 1782 г. ввел разграничение розыскной, следственной и судебной сфер, а также суда уголовного и суда полицейского. Согласно данному источнику права, функции полиции теперь ограничивались следующим: обнаружением преступлений и проступков, предупреждением преступлений и проступков, задержанием преступников, исследованием обстоятельств преступления на месте его совершения, обнаружением и закреплением доказательств и передача уголовных

дел после проведенного расследования в суд, за исключением дел о малозначительных проступках, которые полиция имела право рассматривать самостоятельно. Задержание теперь всецело становится прерогативой полиции: полицейский, задержав подозрительное лицо, доставлял его к частному приставу. Так, ст. 102 «Устава благочиния» предписывала частному приставу приведенного преступника тотчас допросить и провести дознание. После исследования обстоятельств дела частный пристав заключал подозреваемого под стражу.

Изданный в 1832 г. «Свод законов Российской империи»²⁶ учредил смешанную форму уголовного процесса, стал делить следствие на предварительное и формальное. В ходе предварительного следствия предусматривалось «взятие и представление обвиняемого к следствию», т.е. удержание и привод для допроса лица, в отношении которого имелась улика, основанная «на обстоятельствах, возбуждающих сильное подозрение». Подозрение в совершении преступления теперь становилось поводом для задержания лица и доставления его в полицию с целью допроса и выяснения обстоятельств дела. Приводом «заподозренного» лица заканчивалась первая часть расследования, после чего с допроса обвиняемого начиналось следствие формальное.

Также нельзя оставить без внимания предписания ряда статей «продолжения к Своду», в которых указывалось следующее: если заключенному под стражу в течение трех дней не объявлено, за что он содержится в тюрьме, или его в этот срок не допросили, то он вправе обратиться в совестный суд, куда должны доставить заключенного. Суд изучал основания заключения под стражу и либо освобождал подсудимого на поруки, либо оставлял под стражей²⁷. Таким образом, с принятием данной нормы законодатель продолжил развитие «гуманного отношения к лицу, находящемуся под подозрением», предусмотренное ранее в екатерининских «Учреждениях».

На основе соответствующих источников права следует сделать следующий вывод о том, что с «Краткого изображения судебных процессов и тяжб» 1715 г. начался второй этап становления правового института задержания подозреваемого, который продлился до издания в 1864 г. ряда новых правовых актов. Для него характерно следующее: впервые употребляются термины, связанные с возникнове-

²⁶ В данном случае фактически представлял собой собрание разновременных правовых актов статей Уложения царя Алексея Михайловича, указов Петра I и видов правительства, обнародованных в период с 1784 по 1823 гг.

²⁷ См.: Гирько С.И., Березина Е.С. Указ. соч. С. 31.

²⁴ См.: Там же. С. 25–26.

²⁵ См.: Гирько С.И., Березина Е.С. Указ. соч. С. 30.

нием подозрения; предпринимаются попытки разграничить правовое положение подозреваемого и обвиняемого; разрешается проблема содержания под стражей лица без выдвижения против него какого-либо обвинения (официальной претензии); вводится термин «подозрение в совершении преступления», который по существу являлся «поводом для задержания лица». Арестованный получил право на обжалование решения об аресте в Совестном суде, если в течение трех дней ему не было объявлено, за что он помещен в тюрьму. Но в данный период по-прежнему остается не раскрытым в полной мере основание возникновения подозрения.

Поворотным моментом в истории русского права принято считать реформу 1864 г. Изданный 1864 г. «Устав уголовного судопроизводства» разделил предварительное расследование на две части: дознание и предварительное следствие. Полномочия полиции по применению задержания определялись в ст. 51, 257 УУС, согласно которым законодатель закрепил нормы, регламентирующие кратковременный арест полицией. Так, ст. 51 УУС предусматривала основания привода подозреваемого к мировому судье: когда застигнутый при совершении проступка неизвестен полиции и не представит удостоверения о своем имени, фамилии и месте жительства; когда по делам о преступных действиях, за которые в законе положено заключение в тюрьму или наказание более строгое, есть повод опасаться, что обвиняемый скроется или уничтожит следы преступного действия.

В целях исключения расширения полномочий полиции и ограничения случаев необоснованного взятия под стражу в ст. 257 УУС перечислялись ситуации, когда полиция принимала меры к пресечению способов уклонения подозреваемого от следствия: 1) подозреваемый застигнут при совершении преступного деяния или тотчас после его совершения; 2) потерпевшие от преступления или очевидцы прямо укажут на подозреваемое лицо; 3) на подозреваемом или в его жилище будут найдены явные следы преступления; 4) вещи, служащие доказательством преступного деяния, принадлежат подозреваемому или оказались при нем; 5) он покушался на побег или пойман во время или после побега; 6) подозреваемый не имеет постоянного места жительства или оседлости²⁸.

Анализируя указанный источник права, следует отметить, что законодатель продолжал систематизировать основания задержания, порядок его производства и обжалования,

определял порядок производства процедуры допроса задержанного, основания освобождения из-под стражи, устанавливал судебный и прокурорский надзор за законностью задержания. «Устав» не разрешал ряда существенных вопросов. Так, по-прежнему не получили закрепления правовые статусы подозреваемого и обвиняемого, их процессуальные права. Не были предусмотрены сроки извещения полицией о задержании и последующего предоставления подозреваемого следователю. По-прежнему не усматривались различия между понятиями «задержание» и «арест». Оставался не решенным вопрос о сроках задержания полицией, вследствие чего подозреваемый мог содержаться под стражей неопределенное время.

К концу XIX в. назрела необходимость пересмотра Судебных Уставов 1864 г. В новом проекте Устава уголовного судопроизводства 1900 г. законодатель ввел специальное постановление о необходимости немедленного, в течение суток, извещения полицией следователя и прокурора о взятии какого-либо лица под стражу. Однако, поскольку само сообщение о задержании лица и постановка его в положение подозреваемого не ограничивала срока нахождения этого лица в данном правовом статусе, окончательно данное положение было урегулировано в «Законе о преобразовании местного суда» от 15 июня 1912 г., в соответствии с которым лица, задержанные по ст. 51 УУС, должны быть в течение 24 часов с момента задержания либо освобождены, либо приведены к мировому судье. Однако данное положение не распространялось на лиц, задержанных в порядке ст. 257 УУС²⁹.

Таким образом, в результате судебной реформы, проводимой Александром II, наряду с актуальностью преобразования следственной части, встал вопрос гарантий против злоупотребления полицией при производстве личного задержания. Так, законодатель вводит новую процедуру уведомления надзорных органов при производстве задержания. Теперь, производя задержание и составив постановление, полиция должна была сообщить об этом представителю прокурорского надзора, на котором лежала обязанность контролировать законность и обоснованность задержания. Само же задержание фактически стало самостоятельной мерой оперативного реагирования полиции на совершенное преступление, которая применялась в строго ограниченных случаях до прибытия судебного следователя.

22 марта 1903 г. было издано «Уголовное уложение по преступлениям государственным», которое расширило права офицеров

²⁸ См.: Григорьев В.Н. Задержание подозреваемого органами внутренних дел: учеб. пособие. Ташкент, 1989. С. 11.

²⁹ См.: Ретюнских И.А. Указ. соч. С. 23–24.

жандармерии и чинов полиции по применению задержания как меры процессуального принуждения: «При производстве дознаний лица, производящие оные, могут заключать под стражу обвиняемых и в таких преступных деяниях, которые влекут за собой наказание ниже исправительного дома, если эта мера представляется необходимой для предупреждения сношений обвиняемых между собой или сокрытия следов преступного деяния»³⁰.

Изданные Временным правительством законодательные акты не получили системного юридического оформления в силу революционных событий ноября 1917 г. В большинстве своем продолжали действовать изданные ранее законы. Можно сказать, что на этом закончился очередной — третий — этап в истории правового института задержания подозреваемого, ознаменовавшийся тем, что в уголовно-процессуальном законодательстве был впервые употреблен термин «подозреваемый», сформулированы основания появления подозрения, а само задержание стало рассматриваться применительно к определенной форме расследования — дознанию, производимому полицией до прибытия судебного следователя, т.е. фактически как самостоятельная мера принуждения. Важнейшим правовым источником этого периода стал «Устав уголовного судопроизводства» 1864 г., объединивший в одном нормативном акте основания задержания, порядок его производства и обжалования, правила проведения допроса задержанного, основания освобождения из-под стражи, судебный и прокурорский надзор за законностью задержания. Из этого можно сделать вывод о том, что из разрозненных элементов, апробированных и зарекомендовавших себя на практике, был сформирован, хотя и не в окончательном виде, но в значительной мере, институт задержания подозреваемого, представляющий собой совокупность юридических норм, регулирующих определенные общественные отношения. К недостаткам правовых норм, регулирующих порядок задержания указанного периода, следует отнести отсутствие в законе закрепления правового статуса подозреваемого и его процессуальных прав, а также четкого различия между «задержанием» и «арестом».

Отдельное закрепление понятия «задержание» получило в советском уголовно-процессуальном законодательстве. В рассматриваемом периоде законодатель четко разделил понятия задержание лица, подозреваемого в совершении преступления и понятие арест. Так, в соответствии с Постановлением Нарко-

ма юстиции от 23 июля 1918 г. «Об организации и действии Местных Народных Судов», народный судья мог своим единоличным постановлением подвергать лиц задержанию с подтверждением всем составом суда не далее ближайшего его заседания (ст. 15) (за исключением посягательства на человеческую жизнь, изнасилования, разбоя и бандитизма, подделки денежных знаков, взяточничества и спекуляции, контрреволюционной деятельности, погромов, подлога документов, хулиганства и шпионажа)³¹.

В Декрете ВЦИК от 30 ноября 1918 г. «О народном суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» подтверждалось право судьи своим единоличным постановлением подвергать подозреваемого личному задержанию (ст. 54)³².

Декретом ВЦИК от 12 апреля 1919 г. «О Революционных Трибуналах» членам трибунала было предоставлено право посещения мест заключения, проверки законности содержания арестованных и их освобождения по подсудным ему делам. В Декрете от 18 марта 1920 г. администрацией мест заключения устанавливался семидневный срок для рассмотрения указанных трибуналом нарушений содержания арестованных и решения вопроса об освобождении заключенного либо предоставлении исчерпывающих объяснений по этому поводу.

«Инструкцией волостным милиционерам» от 16 февраля 1920 г. на сотрудника милиции возлагалась обязанность до прибытия на место происшествия судебных властей «арестовать подозреваемого в совершении преступления, хотя бы пострадавшие от преступления просили этого не делать». О полномочиях по задержанию подозреваемых в преступлении говорится и в другом ведомственном нормативном акте — разъяснении «Об обязанностях розыскной милиции Главного управления Рабоче-крестьянской милиции РСФСР» от 1 ноября 1920 г. Согласно указанному документу, сотрудник уголовного розыска был обязан задерживать подозреваемых в случаях, перечисленных в Инструкции, и имел право брать под стражу, но «с чрезвычайной осторожностью в случае крайней необходимости», при наличии особого постановления, в котором указывалось основание для задержания. О каждом арестованном руководство отделения уголовного розыска не позднее трех суток должно было известить народный суд или следственную комиссию по подсудности, от которых зависело

³¹ См.: История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. М., 1955. С. 50.

³² См.: Там же. С. 70.

³⁰ См.: Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Указ. соч. Т. 4. С. 431.

решение: освободить задержанного или постановить о дальнейшем содержании его под стражей. В случае необходимости начальник уголовного розыска имел право под собственную ответственность задержать арестованного на срок не более 15 дней³³.

В соответствии с декретом ВЦИК от 6 февраля 1922 г. «Об упразднении Всероссийской чрезвычайной комиссии и о правилах производства обысков, выемок и арестов», в составе НКВД было образовано Государственное политическое управление (ГПУ), наделенное правом ареста лиц, причастных к контрреволюционным преступлениям, бандитизму, шпионажу, хищениям на железнодорожных и водных путях сообщения, контрабанде и переходу границ. В случае если подозреваемый застигнут на месте преступления, арест мог быть произведен без постановления с последующей санкции в течение 48 часов. Во всех остальных случаях арест допускался только по специальному постановлению ГПУ или Политических отделов. Обвинение арестованному следовало предъявить не позднее двух недель со дня ареста. Законодатель в указанный исторический период не разделял таких понятий, как «задержание подозреваемого» и его «арест». Фактически лицо одновременно и задерживалось по подозрению в совершении преступления и арестовывалось, так как дополнительной процедуры ареста не предусматривалось. Несмотря на то что ГПУ изначально было лишено судебных полномочий, уже 9 марта 1922 г. Политбюро приняло постановление, наделявшее ГПУ правом расстреливать на месте преступления грабителей и рецидивистов, т.е. фактически осуществлять внесудебную расправу в отношении задержанных с личным подозреваемых³⁴.

В целом этап, начавшийся Октябрьской революцией 1917 г. и продлившийся до весны 1922 г., ознаменовался тем, что произошла своего рода стагнация процесса развития правового института задержания подозреваемого: использование в современных условиях существовавшего уголовного процессуального законодательства дореволюционной России было запрещено; правом задержания лиц и проверки законности содержания под стражей наделялось значительное количество должностных лиц и органов, деятельность которых регламентируется разрозненными по своей сути правовыми актами, посвященными не столько процессуальным вопросам расследования, сколько регламентации оснований и порядка применения репрессивных мер и организационным вопросам.

В уголовно-процессуальных кодексах 1922 и 1923 гг. законодатель отнес задержание к ведению милиции, наделив ее функциями органа дознания при расследовании преступлений. Существенным стало то, что впервые на законодательном уровне процедура задержания подверглась тщательной регламентации с точным указанием целей, оснований, срока и порядка извещения судьи или следователя о задержании. Задержание, согласно новому УПК, органами дознания допускалось лишь как мера предупреждения уклонения подозреваемого от следствия и суда³⁵ по фактически тем же основаниям, которые предусматривались ст. 257 УУС 1864 г.

Согласно ст. 106 УПК РСФСР 1922 года, о задержании с указанием оснований орган дознания в течение 24 часов должен был сообщить суду, которому подсудно данное дело, или же народному судье, в районе которого произошло преступление или был задержан подозреваемый.

О задержании подозреваемого по делам, где производство предварительного следствия было обязательно, органы дознания общались в тот же срок следователю или прокурору. Последующие 48 часов отводились суду или следователю для подтверждения ареста. В итоге общий срок задержания стал составлять 72 часа.

В соответствии со ст. 106 УПК РСФСР 1922 г. допускал задержание по любому делу независимо от его подследственности и предусмотренной меры наказания, а также устанавливал порядок решения вопроса об аресте задержанного: коллегиально или народным судьей — по делам, по которым проводилось дознание; следователем или прокурором — по делам, требующим проведения предварительного следствия.

В УПК РСФСР, принятом в новой редакции 15 февраля 1923 г., правовая регламентация задержания, в сущности, не изменилась. Ст. 100 УПК³⁶ воспроизводила те же основания, закрепленные в ст. 105 УПК 1922 года. Ст. 104 УПК³⁷ несколько уточняла порядок извещения о задержании органом дознания народный суд (судью) или следователя.

Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1924 г. переняли идею задержания, заложенную в УПК РСФСР 1922 и 1923 гг.

Подводя краткий итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что и УПК 1922 и

³³ См.: Гирько С.И., Березина Е.С. Указ. соч. С. 46.

³⁴ См.: Там же. С. 47.

³⁵ Ст. 105 УПК РСФСР 1922 г., ст. 106 УПК РСФСР 1922 г.

³⁶ Ст. 100 УПК РСФСР 1923.

³⁷ Ст. 104 УПК РСФСР 1923.

1923 гг., и Основы уголовного судопроизводства 1924 года рассматривали задержание, прежде всего, как меру предварительного характера. Закон наделял полномочиями ее применения только органы дознания, которые, в свою очередь, не имели самостоятельного права подвергать подозреваемого аресту. Судья или следователь вправе были сразу же принять решение об аресте, поэтому не наделялись полномочиями задерживать подозреваемого.

После образования СССР возникла необходимость в приведении в соответствие законодательства союзных республик. С этой целью 31 октября 1924 г. постановлением Президиума ЦИК СССР были утверждены Основы уголовного судопроизводства, которые в основном переняли предусмотренный УПК РСФСР порядок задержания.

После убийства С.М. Кирова руководство страны приняло новый политический курс, направленный на всеобщую борьбу против т.н. «врагов народа», что соответственно привело к резкому увеличению репрессивных мер. В связи с этим постановлением ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г. был установлен упрощенный порядок расследования и рассмотрения дел о преступлениях террористической направленности. Приказом НКВД СССР от 27 мая 1935 г. № 00192 была объявлена «Инструкция тройкам НКВД по рассмотрению дел об уголовных и деклассированных элементах и о злостных нарушителях положения о паспортах», которая предусматривала создание «троек» для предварительного рассмотрения уголовных дел в отношении перечисленных лиц. Органы милиции обязаны были представить «тройке» постановление о задержании лица с указанием причины задержания, следственные материалы (протоколы допросов, вещественные доказательства), если таковые имеются, и краткое заключительное постановление. Из указанного перечня очевидно, что после задержания лица расследование практически не производилось, задержанного вместе с предельным минимумом документов направляли на рассмотрение «тройки», которая решала его судьбу в течение 10 дней с момента ареста и при отсутствии возражений прокурора немедленно приводила решение в исполнение.

5 июня 1937 г. Прокуратурой СССР был издан специальный Циркуляр № 41/26 «О повышении качества расследования», предписывающий органам дознания и предварительного следствия при допросе граждан, подозреваемых в совершении преступления, не допускать наименования их «подозреваемыми» и вообще устранить из следственной практики фигу-

рирование на следствии лица в положении «подозреваемого»³⁸.

Размах внесудебных репрессий снизился только после принятия в ноябре 1938 г. постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», которым «тройки» и «двойки» были ликвидированы.

Постепенное возвращение к более тщательной правовой процедуре расследования было прервано начавшейся в июне 1941 г. Великой Отечественной войной. По ряду дел вновь был предусмотрен упрощенный порядок производства, а по отдельным из них предварительное расследование не производилось вовсе. В районах боевых действий и местностях, где было объявлено военное положение, военное командование, военные органы дознания и прокуратуры получили право задерживать гражданских лиц, подозреваемых в совершении общеуголовных преступлений: хищений социалистической собственности, разбоев, убийств и некоторых других³⁹.

Итак в период с 1922 по 1958 гг. была произведена первая полная кодификация уголовно-процессуального законодательства, результатом которой стало принятие Уголовно-процессуального кодекса РСФСР. Задержание было отнесено к ведению милиции, выполнявшей функции органа дознания, и по сути впервые подверглось тщательной регламентации: были указаны цели, основания, срок и порядок извещения о задержании. Задержание и заключение под стражу, получило четкое разграничение в законе.

С появлением 25 декабря 1958 г. Закона Союза ССР «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» начался следующий этап становления института задержания подозреваемого. Согласно указанному закону процесс задержания был отнесен к числу неотложных следственных действий, проводимых органом дознания для установления и закрепления следов преступления. Правом производить задержание был наделен и следователь, что позволило кардинально изменить сложившуюся практику необоснованных арестов. В этой связи был предусмотрен 24-часовой срок для уведомления прокурора о задержании, а общий срок задержания составил 72 часа. Предусматривались права подозреваемого в случае его задержания и применения в качестве меры пресечения заключение под стражу.

³⁸ См.: Социалистическая законность. 1937. № 7. С. 115–116.

³⁹ См.: Указ Президиума Верховного Совета от 22 июня 1941 г. «О военном положении». Ст. 7 // Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 29. С. 1.

27 октября 1960 г. принят Закон РСФСР «Об утверждении уголовно-процессуального кодекса РСФСР». УПК РСФСР рассматривал подозреваемого как лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления, либо к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения. Он был наделен рядом прав, а органы дознания и предварительного следствия — определенными обязанностями, в том числе при задержании. Так, в протоколе задержания подозреваемого должны были указываться основания и мотивы задержания, объяснения задержанного, а перед допросом ему разъяснялись его права и объявлялось, в совершении какого преступления он подозревается, о чем делалась отметка в протоколе.

Следует отметить, что достаточно длительный период времени оставалось без внимания право граждан на судебное обжалование задержания. Существенным в развитии данного положения стала принятая 22 ноября 1991 г. Декларация прав и свобод человека и гражданина, которая провозглашала право обжалования в суде решений, повлекших за собой нарушение закона или превышение полномочий, а также ущемляющих права граждан, в том числе при производстве задержания. Однако при внесении в соответствии с Декларацией изменений в УПК РСФСР законодатель в статье 11 ограничился формулировкой о наделении арестованного правом на судебную проверку законности и обоснованности содержания под стражей, а в ст. 220.1, 220.2 прямо указано на возможность обжалования в суде меры пресечения — заключения под стражу. Несмотря на то, что УПК РСФСР не содержал конкретной нормы о судебном обжаловании задержания, Пленум Верховного Суда РФ своим постановлением от 29 сентября 1994 г. № 6 «О выполнении судами постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 апреля 1993 года» отметил, что жалоба лица, задержанного по подозрению в совершении преступления, его защитника или законного Представителя относительно законности и обоснованности задержания должна приниматься судом к производству и разрешаться по существу в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством⁴⁰.

28 февраля 1996 г. Россия подписала Конвенцию о защите прав человека и основных свобод 1950 г., которая закрепила право любого задержанного на незамедлительное доставление к должностному лицу, осуществляющему судебные функции, для разбирательства, в ходе которого суд будет решать вопрос о законности задержания.

Подводя итоги исторического этапа с 1958 до 2001 гг., необходимо сказать, что его важным достижением было принятие «Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» 1958 г., концептуальные положения которых перешли в УПК РСФСР 1960 г. и были доработаны: отнесение задержания к неотложным следственным действиям; определение подозреваемого как самостоятельного участника уголовного процесса и предоставление ему права на защиту.

Начало последнему этапу становления института задержания было положено принятием 22 ноября 2001 г. УПК РФ, вступившего в действие с 1 июля 2002 г. Указанным источником права были введены ряд изменений, так был установлен предельный 48-часовой срок задержания лица по подозрению в совершении преступления, возможный без судебного решения; задержание лица по подозрению в совершении преступления получило более детальную регламентацию; достаточно подробно был урегулирован порядок задержания и уведомления об этом соответствующих лиц, основания освобождения подозреваемого; определен порядок обжалования любых действий и решений органа дознания, дознавателя, следователя; предусмотрено право на реабилитацию незаконно задержанных.

Однако, по мнению автора, становление правового института задержания подозреваемого на сегодняшний день не завершено, поскольку отдельные его составляющие по-прежнему нуждаются в дальнейшем совершенствовании.

Анализ становления правового института задержания подозреваемого в уголовно-процессуальном законодательстве России позволяет сделать следующие выводы:

1. Развитие правового института на разных этапах отечественной истории определялось уровнем и качеством правового регулирования статуса задержанного лица по подозрению в совершении преступления, а также обеспечением его прав.
2. Условно в становлении правового института задержания можно выделить семь основных этапов, однако эволюция этого института права на сегодняшний день еще не завершена, и говорить о рассматриваемом институте как об окончательно сформировавшемся преждевременно, поскольку отдельные его составляющие, по-прежнему, нуждаются в дальнейшем совершенствовании.

⁴⁰ См.: Гирько С.И., Березина Е.С. Указ. соч. С. 54.

Библиография:

1. Аверченко А.К. Подозреваемый и реализация его прав в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. — Томск, 2001.
2. Богацкий Ф.А. Обеспечение прав подозреваемого при производстве предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. — Калининград, 2006.
3. Григорьев В.Н. Задержание подозреваемого органами внутренних дел: учебное пособие. — Ташкент, 1989.
4. История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. — М., 1955.
5. Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России: история, документы. — М.: Мысль, 2003. Т. I.
6. Мельников В.Ю. Гарантии прав и законных интересов граждан в уголовном процессе: монография. Рост. гос. ун-т путей сообщения. — Ростов-н/Д, 2010.
7. Ретюнских И.А. Процессуальные проблемы задержания лица по подозрению в совершении преступления: дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2001.
8. Смирнов П.А. Подозреваемый в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2003.
9. Тогулев В.М. Задержание в системе мер процессуального принуждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1991.
10. Чельцов-Бебутов М.А. Курс советского уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. Т. 1. — М.: Госюриздат, 1957.
11. Чупилкин Ю.Б. Гарантии прав подозреваемого в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. — Ростов-н/Д, 2001.

References (transliteration):

1. Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta ot 22 iyunya 1941 g. «O voennom polozhenii». St. 7 // Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR. — 1941. — № 29.
2. Averchenko A.K. Podozrevaemyy i realizatsiya ego prav v ugovolnom protsesse: Dis. ... kand. yurid. nauk. — Tomsk, 2001.
3. Bogatskiy F.A. Obespechenie prav podozrevaemogo pri proizvodstve predvaritel'nogo rassledovaniya: Dis. ... kand. yurid. nauk. — Kaliningrad, 2006.
4. Grigor'ev V.N. Zaderzhanie podozrevaemogo organami vnutrennikh del: uchebnoe posobie. — Tashkent, 1989.
5. Istoriya zakonodatel'stva SSSR i RSFSR po ugovolnomu protsessu i organizatsii suda i prokuratury. — M., 1955.
6. Kutafin O.E., Lebedev V.M., Semigin G.Yu. Sudebnaya vlast' v Rossii: istoriya, dokumenty. — M.: Mysl', 2003. T. I.
7. Mel'nikov V.Yu. Garantii prav i zakonnykh interesov grazhdan v ugovolnom protsesse: monografiya / Rost. gos. un-t putey soobshcheniya. — Rostov-n/D., 2010.
8. Retyunskikh I.A. Protsessual'nye problemy zaderzhaniya litsa po podozreniyu v sovershenii prestupleniya: Dis. ... kand. yurid. nauk. — Ekaterinburg, 2001.
9. Smirnov P.A. Podozrevaemyy v ugovolnom protsesse: Dis. ... kand. yurid. nauk. — M, 2003.
10. Togulev V. M. Zaderzhanie v sisteme mer protsessual'nogo prinuzhdeniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 1991.
11. Chel'tsov — Bebutov M. A. Kurs sovetskogo ugovolno-protsessual'nogo prava. Ocherki po istorii suda i ugovolnogo protsessa v rabovladel'cheskikh, feodal'nykh i burzhuznykh gosudarstvakh. T. 1. — M.: Gosyurizdat, 1957.
12. Chupilkin Yu.B. Garantii prav podozrevaemogo v rossiyskom ugovolnom protsesse: Dis. ... kand. yurid. nauk. — Rostov-na-Donu, 2001.

Материал получен редакцией 10 февраля 2013 г.